

18+

Ирина Гуляева

Пленница ледяного сердца

«Автор»

2026

Гуляева И.

Пленница ледяного сердца / И. Гуляева — «Автор», 2026

В доме дяди она была лишь тенью — лишней, нежеланной, той, чье присутствие тяготило стены. Но судьба распорядилась иначе: ее похитил чужеземец, чье сердце давно превратилось в лед. Он — человек, потерявший всё, когда смерть забрала его любимую жену. Он живет лишь одной целью: найти ключ, способный отворить врата между мирами и вернуть ту, что ушла в небытие. Ей суждено стать этим ключом. Ее кровь — цена, которую он готов заплатить. Но в холодных пустошах, где он надеялся найти лишь инструмент для своего воскрешения, лед в его груди начинает трескаться. Чем дольше она рядом, тем отчетливее он понимает: он не отдаст ее ни богам, ни смерти. Даже если ради этого придется сжечь весь мир дотла. Сможет ли он защитить ту, чью жизнь сам же поставил на кон?

© Гуляева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Гуляева

Пленница ледяного сердца

Глава

Пролог.

В горах, где суровые ветры шепчут древние легенды, жила девушка по имени Малика. Её красота была словно отражение самой природы — нежная и в то же время непокорная. Еще недавно ее мир был полон смеха и тепла родительского очага, но теперь лишь холодная пустота и чужие взгляды окружали ее. Смерть пришла неожиданно, забрав отца и мать в один холодный вечер, оставив Малику одну в этом огромном мире.

Теперь её домом стал сакля дяди. Здесь пахло дымом очага, сушеными травами и чужой, колючей неприязнью. Дядя, человек суровый и немногословный, принял племянницу как неизбежную обузу, как лишний рот, который нужно кормить, пока не придет время отдать её в чужой дом. Его жена, женщина с глазами острыми, как осколки кремня, не упускала случая упрекнуть Малику.

Семья дяди терпела Малику лишь потому, что старый ведун перед смертью прохрипел, что: кровь девушки открывает то, что должно быть замуровано. Мари́ка была ключом. Живой отмычкой, которая стирала грани между миром плоти, и серой пустотой мертвых. Она ненавидела это слово — «ключ». Оно низводило ее до предмета, до ржавой железки, которую достают из-за притолоки только когда нужно войти в запертую комнату. Когда в деревне кто-то уходил, не договорив, дядя брезгливо стаскивал ее с теплой лежанки у очага. Он не смотрел ей в глаза, толкая в спину узловатым пальцем по направлению к погосту.

Погост жался к самому леднику. Здесь камни росли прямо из-под земли, похожие на сгнившие зубы великана. Дядя приводил племянницу к могиле, где земля еще дышала внутренним теплом разложения. Он ставил ее босыми ногами на этот подтаивший суглинок. Малика знала ритуал до последней судороги в икроножных мышцах. Не смотреть вверх. Не дрожать. Ждать.

— Открывай, — бурчал он в воротник тулупа, и его горячее дыхание оседало инеем на ее волосах.

Дядя зажимал широкую, мозолистую ладонь на ее затылке. Мир вокруг Мари́ки истончался. Сначала исчезали звуки: ветер переставал выть в расщелинах, треск льда становился далеким эхом. Затем гас цвет. Густая горная ночь сворачивалась в пепельный саван. Пространство натягивалось, как старый пергамент, готовый лопнуть от малейшего сквозняка. Грани осыпались стеклянной крошкой, впиваясь в голые лодыжки тысячами невидимых лезвий. Боль приходила следом — тупая, вибрирующая, идущая из самих костей. Кровь Малики действительно открывала замок, выжигая дыру в оболочке бытия.

И она видела их.

Они поднимались из своих тесных деревянных ящичков, сотканные из тумана, золы и невыплаканных слез. Бродящие во мгле тени. Они стояли внизу, в глубине свежeverытой

ямы, и смотрели сквозь нее, Марику. Их полупрозрачные руки просовывались сквозь оболочку, царапая воздух длинными, сведенными холодом пальцами. Они искали не прощения. Им нужен был проводник обратно, хотя бы на три удара сердца, чтобы выдохнуть свои последние слова в лица тех, кто остался.

Марика делала шаг вперед. Земля под ногами чавкала, принимая первую жертву. Она не звала их — для этого у мертвых не было имен. Она просто распахивала внутри себя ту самую прореху, позволяя им втянуть часть живого тепла.

Она открывала им ворота обратно, выпуская наружу тот первобытный могильный холод, от которого у живых сводило челюсти и вставали дыбом волосы. Холод стелился по траве, добираясь до сапог собравшихся односельчан. Марика уже слышала шепот снизу — торопливый, полный упреков или недосказанной любви. Мертвые тянулись к своим, касаясь их плеч туманными ладонями. А живые наконец могли попрощаться, глядя сквозь пелену морока на черты ушедших.

Когда последнее слово растворялось в пустоте, дядя резко дергал ее назад. Оболочка бытия с влажным хрустом схлопывалась. Прозрачные руки отрывались от реальности, оставляя на коже Марики черные синяки-ожоги там, где пытались за нее ухватиться. Ее трясло крупной дрожью, внутренности выворачивало от чужой тоски. Во рту стояла горечь праха.

За это умение горцы платили ей глухим молчанием и спинами. Никто не набрасывал на ее содрогающиеся плечи шаль. Матери прятали детей за своими юбками, боясь, что та, что якшается со смертью, заберет взамен живое тепло. Мужчины опускали глаза, быстро совали дяде узелок с солониной или тусклое серебро и спешили убраться прочь, пока серый туман окончательно не выветрился из их одежды.

Она была инструментом. Полезным, но грязным. Как кирка после обвала, о которую все стараются вытереть руки, прежде чем взяться за хлеб.

Будучи всегда чужой среди своих, Малика научилась быть «тише воды, ниже травы». Она знала: там, где тебя не ждут, каждое слово — лишнее, каждый вздох — вызов. Но где-то глубоко внутри Малики теплилась искра упрямства, унаследованная от предков. Она не хотела смириться с такой участью. По ночам, когда в очаге догорали последние угли, она выходила на узкий балкон. Там, среди острых пиков, пронзающих звездное небо, она чувствовала себя свободной. Там, в тишине, несмотря на все трудности, она мечтала о дне, когда она сможет вырваться из этой темницы и обрести свою собственную судьбу. Малика еще не знала, что горы готовят ей испытание куда серьезнее, чем нужда и одиночество. Она не знала, что её красота и её гордость станут причиной событий, которые перевернут её жизнь.

Глава 1.

Покои князя южного предела пахли застоявшимся вином, остывшим пеплом и тленом. Тяжелые бархатные шторы не раздвигали уже год — с тех пор, как солнце для Халиба навсегда скрылось в тени опущенного в землю гроба Лейлы. Он сидел на полу у подножия пустого ложа, прислонившись спиной к ледяному резному столбику балдахина. Внизу, за стенами цитадели, жил его город: торговцы спорили о шелке, жрецы возносили хвалу богам урожая, кузнецы били молотом по стали. Жизнь текла своим чередом, старательно огибая тронный зал, словно мутную воду.

Для всего юга князь умер год назад вместе со своей женой. Вместо него родился безумец.

Халиб закрыл глаза, проваливаясь в ту неделю, когда мир еще имел цвет.

Лейлу забрала черная гниль. Она пришла из низинных болот вместе с осенними туманами. Первый день жена жаловалась на озноб, кутаясь в кашемировую шаль. На второй под её левой ключицей проступило крошечное пятно цвета воронова крыла. К четвертому дню оно расплзлось до самой груди, источая приторно-сладкий запах разложения, а кожа стала влажной и пепельной. Халиб помнил всё: как он варил зелья из толченых изумрудов и драконьего корня, как срезал свои черные косы, чтобы перевязать ей лоб, как держал её руку, пока ногти Лейлы не впились ему в запястье в последней судороге. Даже тогда, глядя на то, как смерть превращает любимую женщину в холодный воск, он безумно любил ее.

Когда сердце Лейлы остановилось, внутри Халиба лопнула струна, державшая небо. Но звук этого разрыва никто не услышал. Боль, которая должна была разорвать его пополам, схлопнулась внутри, превратившись в кусок черного обсидиана. Его любовь не умерла — она мумифицировалась, став тяжелым, мертвым камнем. А снаружи эта порода покрылась коркой безумия.

Безумие стало его единственным щитом. Пока враги видели перед собой одержимого зверя, они боялись подойти ближе и ударить в зияющую рану там, где раньше билось живое сердце.

Он все реже покидал свое княжество и все больше времени проводил в их с Лейлой комнате. Почти каждую ночь ему снилась жена. Не та, что лежала в саване, а живая — с запахом вереска в волосах и теплом ладоней, которое он почти забыл. Но стоило ему протянуть руку, как видение рассыпалось пеплом, а он просыпался с бешено бьющимся сердцем. Такие сны, все ярче показывали, что его любовь никуда не делась. Она проросла сквозь очертевшую корку ядовитыми шипами. Каждое воспоминание стало лезвием. Запах и вид чужой смеющейся женщины, закат цвета запекшейся крови — всё это резало его изнутри, а каменное сердце лишь глубже загоняло осколки.

— За что мне эта память? — кричал в такие мгновения Халиб в темноту, сжимая кулаки до побелевших костяшек. — Почему ты оставила меня помнить, как падали твои ресницы на щеки? Почему забрала всё, оставив лишь тень человека, одержимого призраком.

За этот год, который он прожил без любимой в его постели перебивало бесчисленное количество женщин. Каждый день стража приводила во дворец новых наложниц — юных дочерей мятежных вассалов, жен казненных советников, чужеземных танцовщиц с кожей цвета темного меда. Они скользили по атласным простыням, пытались повторить изгиб шеи Лейлы, копировали её грудной смех, нашептывали те же глупые нежности.

Но Халиб брал их без страсти. Он входил в них механически, расчетливо, как входит раскаленный клинок в мягкое дерево или захватчик — в покоренное поселение. Он искал не плоть. Он искал истину. Ему нужно было физическое доказательство того, что любая женщина, лишенная души Лейлы, — это просто сосуд с теплой кровью и мокрой плотью. Ни одна из них не могла заполнить пустоту. Ни в одной из них не было запаха любимой. Он оставлял после себя лишь опустошенные тела и звенящую тишину, доказывая самому себе снова и снова: заменить её невозможно. Тепло чужой кожи лишь сильнее вымораживало его изнутри.

Но вчера ночью маска дала трещину.

Переодевшись в потертый кожаный дублет простого наемника, Халиб спустился в самую грязную корчму Нижнего города. Ему нужно было дешевое кислое вино, способное хоть на час залить гранитную тяжесть в затылке. Там, у коптящего очага, слепой сказитель перебирал струны старой лютни. Старик пел о Спящих горах и железных реках, но затем перешел на легенду, которой Халиб никогда прежде не слышал.

— ...А высоко-высоко, где облака замерзают прямо в воздухе, живет Девочка-Ключ, — прошелестел старик, поворачивая незрячие бельма куда-то сквозь каменные стены. — Дитя Горных духов и смертной женщины. У нее нет своего лица, ибо духи лепят его из памяти того, кто смотрит. И голоса у нее нет своего. Но если принести ей достойную плату... говорят, половина души платящего будет честным обменом... она открывает дверь. Не в рай и не в бездну. Просто дверь между владениями Мары и миром живых. Ровно на один вдох. И ты сможешь поговорить. Сказать то, что застряло комом в горле. Обнять ту, чей прах давно захоронен.

Оловянная кружка в руке Халиба смялась, как бумажная, расплескивая багровую лужу.

Ртуть в жилах вспыхнула жидким огнем. Черный камень в груди раскалился добела, сжигая изнутри грудную клетку. Все маски сорваны. Вся жестокость последнего года показалась князю лишь детской игрой в грязи. Сквозь ледяной панцирь впервые за год хлынула такая первобытная, всепоглощающая боль, что у него потемнело в глазах.

Увидеть её. Пусть искаженную, пусть собранную из обрывков чужих лиц, но живую. Сказать ей, что это он виноват, что не смог спасти ее, что он променял чистый горный воздух на плодородную низину, где плодится гниль. Что каждый его вздох без неё — это пытка.

— Где? — голос Халиба прозвучал в общем зале громче боевого рога.

Музыка оборвалась. Наемники, карманники и продажные девки обернулись, замерев с открытыми ртами. Они увидели не заросшего бродягу, а хищника, чья улыбка обнажала зубы в животном оскале отчаяния.

— Где эти чертовы горы?! — прорычал князь, хватая сказителя за ветхий ворот. Рука в латной перчатке сдавила горло старика. — Говори, пыль! Какая плата? Золото моих рудников? Кровь моих воинов? Я вырву свое бьющееся сердце и брошу к её ногам, только проложи мне путь!

Сказитель захрипел, царапая железо пальцами. Страх медленно уходил с его лица, уступая место жуткому пониманию. Он смотрел не на руки князя, а в его глаза, где плескалось чистое безумие любви.

— Две недели пути на север, государь, — прохрипел старик, едва касаясь сапога Халиба в немом жесте мольбы. — К Лунным Зубцам. Искать нужно ущелье Семи Ветров, где камни поют женскими голосами.

Халиб разжал пальцы. Старик мешком свалился под лавку, судорожно глотая воздух. Князь стоял посреди внезапно опустевшей тишины. Он посмотрел на свои ладони — руки, уто-

пившие Юг в крови ради сохранения собственной власти, руки, подписывавшие сотни смертных приговоров. Теперь им предстояло стать руками паломника.

Безумец исчез. Остался только Халиб — голый, обожженный дочерна собственным горем человек, которому нечего было терять и некого бояться.

Очерствевшее сердце содрогнулось впервые за год. Но это был не спазм боли, а лихорадочный пульс надежды. Мысль о том, что половина души — ничтожная цена за возможность услышать голос Лейлы хотя бы раз, казалась ему верхом здравомыслия. Он отдал бы всего себя без остатка, лишь бы снова почувствовать ее рядом.

Не говоря ни слова, князь развернулся. Сапоги тяжело простучали по ступеням корчмы. Он вышел в ночь, подставляя лицо колючему ветру с востока.

На сборы ушло два дня. Князь не взял с собой сотню воинов. Он выбрал троих, чьи души уже давно балансировали на краю Бездны.

Первым был Бран — его молочный брат и начальник его личной стражи. Человек-глыба, чье лицо было сожжено солнцем до цвета старого дуба. У Брана не осталось ничего живого, кроме верности князю: ни семьи, ни детей, ни страха перед смертью. Он обладал силой молодого тура. В бою он не думал — он просто становился горой стали, которую невозможно обойти.

Второй — Лют. Ночной кошмар княжества, главный ловчий и тайный порученец. Гибкий и безжалостный. Сын казненного конокрада, Лют вырос в грязи и привык перегрызать глотки раньше, чем учился говорить. У него не было чести в общепринятом смысле, только абсолютная верность Халибу, который подобрал его после казни отца. Лют умел становиться тенью, убивать шепотом и находить дыры там, где другие видели сплошную стену.

Третьим стал конюший Илгут, единственный, кто мог найти любую спрятанную от глаз людей дорогу. Он видел даже тропы духов так же ясно, как обычные люди видят пыль под ногами.

Южный Предел остался позади — богатый, сытый, дрожащий в ожидании хозяина или окончательного падения в пропасть. Впереди лежали дикие перевалы, играющие человеческими судьбами. Халиб сорвался с цепи. Он шел на север, к Лунным Зубцам, готовый вывернуть хребет мира наизнанку, сжечь собственную империю до основания и расплатиться половиной бессмертной души. Всё, чего хотел великий князь южных земель — это украсть у смерти одну секунду разговора со своей мертвой любовью.

Глава 2.

По настоянию тетки день Малики всегда начинался до того, как мир открывал глаза.

Пока аул спал, укутанный густым, молочным туманом, она уже поднималась по крутой тропе к горному ручью, чтобы натаскать воды.

Два пустых бурдюка из козьей шкуры били ее по бедрам в такт шагам. Тропа была скользкой от ночной росы и мха. Ледяная вода обжигала пальцы, когда она опускала кожаные мешки в поток. Малика наполнила бурдюки, затянула горловину сыромятным ремнем и выпрямься, тяжело дыша пошла к дому.

— Опять бродила, как неприкаянная? — послышался, словно сухая ветка, сломанная о колено, голос женщины. — Козы до сих пор не выгнаны на склон. Ты думаешь, горы сами прокормят тебя за твою красоту? Красота — это пыль, Малика. Она не согреет зимой и не наполнит мешок зерном.

Малика молча поставила бурдюки с водой на земляной пол. Её руки, покрасневшие от ледяной воды, дрожали, но она сжала их в кулаки, пряча в складках грубого шерстяного платья. Она привыкла к этим словам. Они были частью её новой жизни.

Дядя сидел в углу, на низком табурете, и точил кинжал. Ритмичный скрежет металла о камень заполнял пространство, перекрывая даже треск поленьев. Он не смотрел на племянницу, но его присутствие давило на плечи тяжелее, чем коромысло с водой. В этом доме не было места для жалости, здесь ценилась только выносливость и покорность. Малика была для них чужой кровью, напоминанием о брате, который когда-то был опорой семьи, а теперь стал лишь тенью, о которой не принято было говорить вслух.

Она взяла плетеную корзину и направилась к выходу, стараясь не задеть краем платья расставленную утварь. Каждый шаг давался с трудом, словно сам воздух в этой сакле был густым и вязким, мешающим дышать. Ей хотелось крикнуть, спросить, за что судьба так жестоко обошлась с ней, но она знала: горы не отвечают на вопросы, а люди здесь разучились слушать.

Выйдя на улицу, она остановилась, прислонившись спиной к холодной каменной кладке стены и подняла голову к вершинам, окутанным дымкой. Там, в вышине, где орлы чертили круги в небе, ей казалось, что она видит отблеск иной жизни — той, где её любили, где отец смеялся, а мать заплетала ей косы, не торопясь. Той жизни, что утеряна навсегда.

Малика знала, что сегодня будет долгий день. Ей предстояло подняться на дальнейшее пастбище, собрать хворост и, возможно, встретить кого-то из тех, кто смотрел на неё с нескрываемым презрением, заставляя сердце сжиматься от тревоги. Она поправила платок, плотнее закутываясь в него, словно в броню, и зашагала прочь от дома, стараясь не оглядываться. Впереди была тропа, узкая и опасная, но именно она вела туда, где можно было хотя бы на мгновение остаться наедине со своими мыслями, вдали от колющих взглядов и горьких упреков.

Тропа вилась змеей, то ныряя в глубокие расщелины, то взбираясь на отвесные уступы, где ветер сбивал дыхание, а камни под ногами предательски осыпались в бездну. Горы не прощают ошибок, но еще меньше они прощают слабость. В тот день туман опустился на ущелье так низко, что казалось, будто сами скалы решили укрыться от мира серым саваном.

Малика поправила тяжелую шерстяную шаль, чувствуя, как колющий ветер пробирается под одежду, словно пытаясь выстудить саму душу. Девушка шла осторожно, ступая по узкой тропе, где каждый камень был отполирован копытами горных козлов. Ее красота, о которой шептались в ауле, здесь, среди суровых пиков, казалась чем-то неуместным, почти вызывающим. Темные, как вороново крыло, волосы выбились из-под платка, а на щеках от мороза проступил яркий румянец.

Она почти достигла цели, когда воздух вдруг изменился. Исчез привычный свист ветра, сменившись чем-то чужеродным — тяжелым, лязгающим звуком железа о камень.

Малика замерла, прижавшись спиной к холодному каменистому выступу скалы. Шершавый базальт впился в лопатки сквозь ткань накидки, но она не почувствовала боли. Вся ее чувствительность сузилась до одной точки — расширенных от ужаса зрачков.

Из-за поворота, прямо навстречу ей, выходили всадники.

Они не были похожи на горцев: их одежда, тяжелая и темная, казалась неуместной среди этих светлых известняковых камней. Плотные шерстяные плащи с чужим, угловатым плетением подбоев, кожаные доспехи, прошитые стальными нитями, сапоги из дубленой кожи, которые не знали местной пыли. А лица... Обветренные, обгоревшие на солнце равнин, покрытые сетью шрамов, они не выражали ничего, кроме усталости и холодного расчета. Это были люди, привыкшие убивать без гнева и миловать без радости. Чужеземцы. Люди с низин, принесшие с собой запах чужой земли — сухой пыли, полыни и конского пота — и тревогу, которая мгновенно разлилась в прозрачном горном воздухе, отравляя его.

Малика хотела отступить. Инстинкт кричал броситься вбок, в россыпь острых валунов, раствориться в густой тени скал, прикинуться камнем, ящерицей, пылью. Но было поздно. Слишком узкая тропа. Слишком близко.

Один из всадников, чьи глаза блеснули из-под низко надвинутого капюшона платка-куфия, резко натянул поводья. Его вороной конь, огромный даже по меркам степных пород, захрапел, вставая на дыбы. Копыта ударили в воздух в пяди от головы Малики. Животное пахло железом и дикостью.

Всадник что-то гортанно выкрикнул и один воин из отряда чужеземцев тут же отделился. Стримительно двигаясь, он в мгновение ока оказался перед Маликой. Он был выше девушки на две головы. Вблизи стало видно, что правая сторона его лица обожжена — кожа там была гладкой, блестящей, похожей на расплавленный воск. Он молча ухватил девушку за предплечье. Хватка железных клещей. — Не дергайся — процедил он сквозь зубы. Акцент резал слух, превращая слова в осколки стекла.

Малика забилась, пытаясь вырвать руку. Страх придал ей сил, но воин лишь сильнее сжал пальцы, пока кости не затрещали. — Пусти! — крик сорвался с ее губ хриплым карканьем.

В этот момент другой воин подъехал к ним. Опустил поводья и позволил лошади двигаться более свободно. Конь тяжело приземлился на все четыре копыта, фыркая паром. Всадник спрыгнул на землю одним плавным движением, несмотря на тяжелый меч, притороченный к поясу. Он откинул капюшон одним резким, хищным движением.

Лицо мужчины на вид тридцати лет не было лицом воина с южных равнин — оно казалось высеченным из старого, потемневшего от времени камня. Его черты были слишком правильными, почти скульптурными: высокие скулы, волевой подбородок и прямой нос, который пересекала единственная деталь. Старый небольшой белесый шрам, похожий на след от клинка, тянулся от левого виска к щеке. Он был чудовищной аномалией на этой идеальной коже, но природа словно пощадила его — тонкий, едва заметный рубец, превращал холодную красоту в нечто осязаемое и человеческое. В этом шраме было больше правды, чем во всем остальном безупречном облике.

Глаза у него были светлыми до прозрачности, цвета выгоревшего на юге полуденного неба. В них не отражался ни солнечный свет, ни синева горных вершин. Это была пустота, обрамленная густыми черными ресницами. Взгляд тяжелый, больной, въедающийся в самую душу; он давил на грудь сильнее, чем разреженный горный воздух, заставляя чувствовать себя обнаженной перед безжалостным судьей.

От него пахло могилой. Не запахом тлена или сырой земли, а сухим, стерильным холодом закрытого склепа и сладковатым черным дымом погребального костра, который еще не успел развеяться ветром. Этот аромат смерти окутывал его плотным коконом, создавая вокруг зону мертвого, звенящего вакуума, куда боялись залетать даже мухи.

И несмотря на это, вопреки этому запаху и клейму на лице, он был мучительно, несправедливо красив.

В нем жила та самая темная, порочная красота, которая пугает и притягивает одновременно, как пропасть манит стоящего на краю путника. Красота падшего ангела, изгнанного за слишком сильную страсть. Когда его бледные, четко очерченные губы разомкнулись, чтобы отдать приказ, они сложились в линию такой совершенной формы, что смотреть на нее было физической болью. Даже этот страшный шрам не уродовал его лицо, а лишь добавлял ему мрачного очарования — печати пережитой трагедии, превратившей обычного мужчину в извращение скорби. Каждое его движение, скупое и выверенное, дышало смертельной грацией крупного хищника, который давно перестал охотиться ради голода и убивает теперь просто потому, что такова его суть.

Это посланцы самого князя южных земель - пришло на ум Малике. Все в долине слышали шепотом передаваемую историю о том, как правитель богатейших селений пал жертвой черной гнили. Болезнь сожрала его жену Лейлу за семь дней, оставив вместо цветущей женщины ссохшуюся мумию, от которой исходил сладковатый запах распада. Князь сошел с ума от горя. Не выдержав жизни без любимой, он исчез вместе со своими личными воинами, отправившись куда-то за край карт, откуда не возвращаются.

Теперь слухи обретали плоть. Вот он стоял перед ней — князь-изгнанник, потерявший разум и свет.

Предводитель подошел вплотную. Остальные воины расступились, образуя вокруг них пустой круг из выжженного камня. Он навис над Маликой, заслоняя собой солнце. Девушка зажмурилась, ожидая удара клинка или тяжелой ладони.

Но он не ударил. Длинные, сильные пальцы — пальцы человека, знающего тяжесть оружия, а не ремесло — коснулись ее подбородка. Жест был почти нежным, если бы не стальной холод кожи. Он заставил ее поднять голову. — Открой глаза, — голос прозвучал тихо, шелестяще. Так ветер шевелит сухие листья на кладбище.

Малика повиновалась. Она утонула в бледной синеве его взгляда.

— Я вижу, — сказал Халиб (ибо это был именно он), не отводя глаз от Малики. — Я вижу печать чистоты. И я вижу печать смерти. Ибрагим-старейшина не солгал. Старик знает толк в жертвенной крови.

Халиб провел большим пальцем по скуле Малики, стирая дорожку пыли. — По настоянию твоей мачехи ты пришла сюда собирать хворост, — продолжил он, словно читая ее мысли. — Чтобы согреть дом, который тебя ненавидит. Какая горькая ирония судьбы. Мы искали тебя три луны. Прочесывали аулы, слушали сплетни бродячих торговцев. Нам нужен был ключ.

— Черная гниль забрал мою Лейлу слишком рано, — произнес Халиб, и в его голосе впервые дрогнула сталь, обнажая живую, кровоточащую рану. — Жрецы говорят, души уходят безвозвратно. Но есть способ обмануть стражей порога. Нужен живой ключ, который стирает грань между жизнью и смертью. Мне нужна ты.

— Твоя тетка сделала величайшее одолжение. Своей жестокостью она привела тебя ровно в мои руки. Тебе не нужно бояться. Мне нужно лишь, чтобы благодаря тебе замок между границей бытия открылся. И тогда на один удар пульса я смогу взять свою Лейлу за руку.

Воины сомкнули кольцо. Солнечный свет померк, отрезанный их широкими плечами. По настоянию мачехи она пошла за дровами, чтобы выжить еще один день в клетке. Вместо этого она нашла дорогу к тому, ради чего эти люди пересекли половину мира. Она поняла страшную истину: тетка не просто избавлялась от лишнего рта. Судьба использовала ненависть мачехи как нить, чтобы вывести жертву к палачу.

Глава 3.

Пыль Южного тракта пахла сухой пылью и близким морем. Кони шли ровной, изматывающей рысью уже третьи сутки. Халиб не оглядывался на свой небольшой отряд — трое верных воина, которые прошли с ним через многое. Он смотрел только в затылок едущей впереди Малики.

Девушка-ключ сидела в седле боком, как привыкла сидеть в своем горном селении, обхватив руками лук. На ней все еще была грубая шерстяная накидка горцев, а под ней угадывалось шерстяное платье. Она ни разу не пожаловалась на жару, на стертые о стремяна ноги или на скудную еду.

Халиб украл ее из ущелья Семи Ветров, потому что Малике было предсказано быть ключом. Живым отмыканием границы между миром мертвых и живых. Ему нужно было это отмыкание лишь однажды. Ровно настолько, чтобы душа его жены Лейлы, умершей от черной лихорадки, смогла шагнуть сквозь камень надгробия. Князь хотел увидеть ее лицо хотя бы на одно мгновение. Ради этого он был готов на все.

В первый день пути он видел в Малике только инструмент. Холодный, опасный артефакт, завернутый в человеческую кожу. Он говорил с ней коротко, приказами: «Пей», «Держи повод». Девушка отвечала так же скупое, глядя куда-то поверх его плеча своими странными, темно-синими глазами, которые словно бездонные омуты, затягивали в свою глубину, и он боялся посмотреть в них, потому что знал: там, на самом дне, ждет ответ на все вопросы, даже если они причинят боль.

На второй день их застигла песчаная буря. Небо рухнуло вниз, превратив белый день в багровые сумерки. Песок сек лица, забивался в рот и нос. Его воины сбились в кучу, закрывая лошадей плащами, паника начала передаваться животным.

Малика первой соскользнула с седла. Не дожидаясь приказа, она подошла к бьющемуся в постромках жеребцу князя. Опустилась перед ним прямо в ревущий песок, положила узкую ладонь на храпящую морду. Что-то тихо зашептала — не слова даже, а глухое, вибрирующее воркование, каким матери успокаивают младенцев. И лошадь замерла, тяжело раздувая бока. Затем девушка пошла к остальным. Она просто гладила коней по шее, вытирала им глаза краем своего рукава, забирала у всадников поводья, давая возможность прикрыть лица тканью.

Когда буря схлынула так же внезапно, как началась, оставив после себя звенящую тишину и барханы на месте дороги, Халиб увидел, что его люди молчат. Они смотрели на девушку, перемазанную пылью, с разбитой до крови губой, и в их глазах вместо привычного равнодушия стояло что-то похожее на стыд.

Вечером, когда разбили лагерь у пересохшего колодца, Халиб сам принес ей воды в медной чаше. — Твоя жена боялась грозы? — вдруг спросила Малика, принимая воду. Ее голос звучал хрипло. Князь опешил. Никто при нем не говорил о Лейле с тех пор, как закрыли гроб.

— У нее начиналась падучая, — ответил он против воли. — От любого громового раската.

— А ты сидел рядом и держал ее за руку, пока тучи не уйдут, — кивнула Малика, словно знала это всегда. — Я вижу след твоей ладони на ее памяти. Он там самый глубокий. Ты хороший муж, князь. Был хорошим.

Халиб резко обернулся, и в его глазах, обычно холодных, как лед горных вершин, вспыхнуло нечто опасное. Малика смотрела на него не с тем страхом, которого он ожидал, и не с той яростью, которую он заслуживал, как ее похититель. В её взгляде читалась тихая, почти болезненная жалость.

— Ты говоришь о ней так, будто она всё ещё здесь, — тихо произнесла Малика, проигнорировав его угрожающий взгляд. — Ты хочешь вернуть её, князь, но разве она сама хотела бы, чтобы ты превратил свою жизнь в склеп? Ты не воскрешаешь любовь, ты просто не даешь ей умереть, чтобы не остаться наедине с пустотой.

Халиб почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Он сделал шаг вперед, сокращая расстояние, и грубо схватил её за подбородок, заставляя смотреть прямо в свои глаза. Его пальцы сжимались жестко, почти до боли — он хотел причинить ей эту боль, чтобы стереть выражение сострадания с её лица.

— Заткнись, — прошипел он, и его голос, низкий и вибрирующий от ярости, эхом отразился от каменных стен. — Ты здесь не для того, чтобы лезть в мою душу своими грязными пальцами. Ты — ключ. Инструмент. Кусок плоти и крови, который поможет мне увидеть вновь ту, единственную, кто был достоин моего дыхания.

Он оттолкнул её от себя так, что она упала навзничь. Его сердце предательски пропустило удар, и это пугало его больше, чем любая неудача в его жизни. Он не хотел видеть в ней человека. Он не хотел замечать, как дрожат её ресницы или как искренне звучат её слова.

— Не смей жалеть меня, — добавил он уже тише, но с еще большей жестокостью в каждом слове. — Жалость — это удел слабых, а ты — пленница. Если ты еще раз откроешь рот,

чтобы рассуждать о моих чувствах, я позабочусь о том, чтобы ты забыла, как звучит твой собственный голос. Ты для меня — ничто. Помни об этом, когда будешь молиться своему богу, чтобы я не передумал использовать тебя раньше срока.

Халиб развернулся и ушел. Двигаясь подальше от лагеря он тяжело дышал, в груди, там, где должна была быть лишь холодная решимость, разливалось странное, тягучее тепло, которое он ненавидел всей душой. Он был зол на неё, но еще больше — на самого себя, за то, что её слова задевают его, заставляют задумываться.

На третий день они проезжали выжженную солнцем деревню, брошенную после набега степняков. Пепелища еще дымились. На единственной чудом уцелевшей яблоне сидел тощий мальчишка лет шести и монотонно раскачивался, грызя сухую корку. Мать лежала неподалеку, лицом в пыль. Умерла, видимо, два дня назад, пытаясь доползти до колодца.

Отряд проехал мимо. Воины привыкли к костям на дорогах своих владений. Но Малики соскользнула с седла, прежде чем Халиб успел рыкнуть приказ двигаться дальше. Подошла к дереву, сняла с пояса свою флягу — последнюю с пресной водой — и протянула мальчику. Тот сначала сжался, ожидая удара, а потом вцепился во флягу обеими руками.

Малика опустилась на колени перед телом женщины. Закрыла ей незрячие глаза, сложила руки на груди. Достала из-за пазухи маленький гладкий речной голыш — наверное, талисман из родного ущелья — и вложила женщине в ладони. Поправила сбившийся платок.

— Куда мы едем, князь? — спросила она, поднимаясь и отряхивая колени. Голос ее был абсолютно спокоен. — На кладбище?

— В мой замок, — хрипло отозвался Халиб. — Там старая усыпальница.

— Ей будет холодно в земле, если оставить ее так, — Малика кивнула на мертвую крестьянку. — Возьми ее с собой. Пусть хоть кости лежат в освященной земле, а не воронье клюет глаза. Мальчишку тоже возьми. Твоя земля большая, найдешь, кому отдать.

Халиб посмотрел на свои руки в кожаных перчатках. Посмотрел на мальчика, который теперь жадно пил, захлебываясь. Посмотрел на женщину, чьи черты Малика сделала почти умиротворенными.

До этого момента путь казался ему черным тоннелем, в конце которого мерцал единственный огонек — могила Лейлы. Но сейчас тьма внутри самого тоннеля стала чуть менее плотной.

Он резко свистнул, подзывая Илкута:

— Забирай тело. Заверни в попону. Парнишку привяжи к своему седлу.

Ночь обволакивала лагерь густой тишиной, нарушаемой лишь сухим треском углей. Халиб не сводил глаз с Малики. Она сидела напротив, протянув ладони к огню, и в этом простом жесте было столько беззащитности, что у него внутри всё сжалось. Она смотрела в небо, вглядываясь в россыпь звезд с такой нежностью, словно узнавала в них давних знакомых.

В танцующих бликах пламени её лицо преобразилось. Исчезла привычная маска холодного, почти механического спокойствия, которую он привык видеть. Теперь перед ним был живой человек — изможденный, с тенью глубокой печали в уголках губ, но пугающе искренний.

Халиб наблюдал за Маликой, и каждое её движение, каждое проявление искренней жалости к окружающим отзывались в нём глухой болью. Она умела сострадать, умела отдавать тепло, даже когда сама была истощена. Глядя на неё, Халиб чувствовал себя опустошенным и черствым. Смерть жены выжгла в нём всё живое, оставив лишь холодную пустоту. Он не мог сопереживать другим, потому что всё его горе было направлено внутрь, на самого себя. В сравнении с её широкой душой он казался себе слабым — человеком, который заперся в своей скорби и разучился чувствовать что-то, кроме собственной потери.

Внезапно в голову Халиба ворвалась мысль, от которой его самого бросило в дрожь.

Она была ядовитой, липкой, невыносимой:

— Если для того, чтобы отворить врата, потребуется жизнь этой девушки, разве это не большая плата, разве могу я так поступить с ней?

Он стиснул зубы, чувствуя, как внутри закипает ярость на самого себя. С тех пор как не стало Лейлы, он привык мерить мир категориями потерь и приобретений, и почему именно сейчас эта холодная расчетливость показалась ему чем-то омерзительным. Нет, он не отступит от задуманного. Он не позволит себе свернуть с пути.

Впереди оставалось десять дней. Десять дней до холодного серого гранита родовой усыпальницы, до ритуала, который обещал вернуть ему смысл существования. Халиб отвел взгляд от Малики, глядя в пустоту. Он знал, что сделает всё необходимое. И чтобы не сойти с ума от собственной жестокости, он пообещал себе одно: он сделает всё, чтобы больше не чувствовать к ней жалости. Ни капли.

Глава 4.

Ветер с северных гор был острым, как осколок льда. Он рвал шерстяную накидку и забирался под ткань дорожного платья, но Малика почти не чувствовала холода. Она сидела перед князем на широкой спине его вороного жеребца. Его левая рука, затянутая в кожу, держала поводья, а правая — стальным обручем обвилась вокруг талии. Малика понимала, что это не для того, чтобы она не упала, а для того, чтобы не сбежала.

Путники спускались вниз по козьим тропам уже шестой час. Внизу, там, где горы сходили на нет выжженной степью, лежал их путь. Туда, к южным селениям, к гробницы жены, везет ее князь понимала Малика.

— Ешь, — бросил он, не поворачивая головы и выдергивая ее из размышлений.

Он протянул Малике кусок черствой лепешки, завернутый в холстину. Их пальцы соприкоснулись. Малика хотела бы отшатнуться. Но вместо этого ладони девушки вспыхнули жаром.

Сердце сжалось так больно, что перехватило дыхание.

— Как можно ненавидеть человека, чья спина выглядит вырезанной из векового камня? Как можно желать зла тому, чье несчастье весит больше, чем вся эта гора за спиной? Я знаю его боль. Знаю, что его любимая жена, Лейла ушла за Грань год назад, и ни один жрец, ни одна ведьма не смогли ее вернуть. Теперь Халиб собирается нарушить самую суть мироздания ради одного взгляда той единственной, ради которой ему не жалко и жизни, используя меня, как ключ - думала Малика.

— Я инструмент - напоминала она себе, когда путники снова пустили коней в рысь. — Я вещь. Дорогая, редкая, опасная вещь. Но почему тогда каждый раз, когда его подбородок касается моих волос, чтобы отдать очередной приказ — «Поехали», «Держись крепче» — внутри меня все трепещет? Почему разум кричит об опасности похищения, а тело реагирует на него как на источник защиты. Почему я вижу в нем не воина, похитившего меня и способного лишить жизни, ради достижения своей цели, а человека, внутри которого течет раскаленная лава горя - спрашивала себя Малика.

Ненавидеть такую красоту и такую боль у нее физиологически не получается; вместо этого сердце сжимается в тугой, горячий комок предвосхищения чего-то неизбежного.

К ночи первого дня путники разбили лагерь в расщелине. Халиб помог Марики спуститься на землю, толкнув в плечо. Жестко, безразлично. И ушел разтавлять воинов на посты, оставив девушку смотреть на то, как пляшут тени от костра на стенах камней.

Утро второго дня началось с дрожи земли. Небо на юге, куда они держали путь, еще недавно чистое, стремительно почернело. Песчаная буря шла стеной, пожирая горизонт.

Жеребец Халиба встал на дыбы. За ним заржали лошади воинов. Животные обезумели от запаха озона и надвигающейся смерти. Конь князя закрутился на месте, грозя сбросить обоих прямо на острые камни. Рука Халиба железной хваткой впилась в талию Малики, вторая натянула повод до хруста. — Сиди смирно! — рывкнул он. — Если слетишь, шею свернешь!

Но Малика уже не слышала. Страх за этих огромных, перепуганных зверей оказался сильнее страха перед похитителем. Девушка выскользнула из-под его руки, соскользнула с высокой луки седла прямо в пыль и бросилась к голове его жеребца.

— Тише, хороший, тише, мальчик, — зашептала Малика, успокаивая. Ее ладони легли на горячую, покрытую пеной шкуру. — Мы здесь. Мы дышим. Видишь? Дышим.

Лошадь фыркнула, кося бешеным глазом, и вдруг начала оседать, подчиняясь шепоту девушки. Воины Халиба, сами едва удерживающие своих скакунов, смотрели на это с суеверным ужасом. Когда стена песка накрыла все, превратив день в глухую рыжую ночь, Малика стояла посреди бушующего ада, прижимаясь к шее вороного, и гладила по холке остальных трех лошадей, пока Халиб и его люди укрывались закрыв лица тканью.

Буря улеглась так же внезапно, как и началась. Воздух стал тяжелым, пахнущим горячей пылью. Наступила звенящая тишина.

Халиб подошел к Малике. Его лицо было серым от пыли, глаза казались провалами в бездну. Впервые за весь путь в них не было только приказа. Там было что-то темное, изумлен-

ное. Все трое воинов смотрели на меня так, будто она была не пленницей, а духом пустыни, вышедшим им навстречу.

— Тепло. Между нами впервые потеплел воздух - подумала Малика.

Малике казалось, что броня между ними треснула. Что теперь, разделив страх бури, она может разделить и его боль. — Твоя жена боялась грозы? — вдруг спросила Малика, глядя, на Халиба

И он ей ответил изумилась она, робко, чуть слышно, но ответил.

— У нее начиналась падучая, от любого громового раската.

Но потом она, не желая того сделала самую главную ошибку, пожалела его и хотела дать совет. И поняла, как он сразу же изменился, как все вокруг них почернело.

- Никогда не спрашивайте о мертвых святых тех, кто готов разрушить ради них миры - подумала Малика.

Его голова медленно повернулась. Пальцы побелели. В одно движение он оказался рядом. Земля качнулась. Князь схватил её за подбородок — жестко, оставляя синяки, — и дернул вверх, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

От него пахло такой первобытной яростью, что ноги подкосились. Его губы искривились в страшном оскале. Он рычал ей в лицо, брызгая слюной, злые, обидные слова, а она не могла пошевелиться, в ее глазах застыли слезы.

- Что же я наделала - думала Малика.

Он оттолкнул девушку так, что она упала навзничь.

С того момента он перестал замечать Малику. Совсем. Словно она снова стала вещью, но теперь — сломанной, неприятной вещью. Он отдавал распоряжения через воинов:

— Дайте девке лепешку. — Бросьте ей одеяло.

А когда ночью Малика не смогла сдержать слез от унижения и разрывающего грудь чувства, он даже не повернулся на другой бок. Закрылся глубже, вбив между ними каменную стену своего горя.

На утро третьего дня ветер принес запах гари. Разграбленное селение встретило путников выбитыми дверями и пеплом. Дома стояли выпотрошенными коробками.

Конь переступил через тело старика, уставившегося в небо остекленевшими глазами. Воины напряглись, положив руки на мечи, готовые встретить засаду. Хабил сидел в седле ровно, осматривая руины холодным взглядом стратега. Ему не было дела до мертвецов. Ему нужна была лишь дорога на юг.

А потом Малика увидела, что на единственной чудом уцелевшей яблоне сидел тощий мальчишка лет пяти и монотонно раскачивался, грызя сухую корку. Мать лежала неподалеку, лицом в пыль.

Мир поплыл перед глазами. Жалость ударила под колени сильнее, чем жажда.

Сам князь даже не изменился в лице. Ни презрения, ни гнева, ни жалости. Только бесконечная, выжигающая дотла отстраненность. Он посмотрел на женщину, затем на мальчика, затем перевел взгляд на Малику. Будто оценивал ущерб, который нанесет их графику лишний груз. Но ее просьбу взять с собой женщину и захоронить как подобает и принять на свою землю мальчишку он не проигнорировал, а безцветным голосом отдал приказ своему воину.

Затем развернул жеребца и тронул его с места, объезжая пепелище.

Безразличие оказалось хуже вчерашнего рычания. Тогда в нем была жизнь — злая, ядовитая, но жизнь. Сейчас в нем осталась только функция. Функция инструмента, который ведет другой инструмент к цели.

Малика смотрела в перед боясь пошевелиться. Девушку трясло. Впервые в жизни сердце Малики тянулось к чужому человеку с такой силой, что становилось физически больно. Она хотела остановить коня, вцепиться в его плащ и кричать, умолять посмотреть ей в глаза. Сказать, что она откроет любую Границу, найдет любую лазейку, только пусть он перестанет быть куском льда. Пусть он снова увидит в ней кого-то живого.

Но Малика лишь глотала колючую пыль, поднятую копытами его отряда.

— Я всего лишь ключ. А ключи не имеют права испытывать какие бы то ни было чувства — повторяла себе Малика.

Глава 5.

Седьмой день пути стер границу между степью и небом. Горизонт дрожал в мареве, копыта коней вязли в серой пыли, а солнце висело над головой раскаленным медным диском. Малика чувствовала, как каждое движение отдается тупой болью в бедрах — тяжело передвигаться верхом впереди князя, когда спина прямая, а плечи не смеют ссутулиться под его тяжелым взглядом.

Она физически ощущала его взгляд меж лопаток. Он не жег, не сверлил — он был тяжелее камня. Взгляд человека, который смотрит на гниющую рану, которую приходится терпеть ради высшей цели.

Но еще тяжелее Малики было от вибрирующей между ними отчужденности. Это была не просто тишина. Это был вакуум. Звук их собственного дыхания казался святотатством в этой плотной, звенящей пустоте. Малика пыталась ее заполнить. Искала бреши в его броне с отчаянием утопающего, цеплялась за любую соломинку, чтобы пробить глухую стену, которой он отгородился. Когда они проходили мимо цветущих диких яблонь у пересохшего русла реки, она обернулась в седле, позволив себе легкую улыбку:

— Говорят, из этих яблок делают лучшую пастилу в предгорьях. Ваша земля щедра, князь?

Халиб смотрел сквозь нее так, словно перед ним был мираж. Его вороной жеребец всхрапнул, переступая с ноги на ногу, а князь лишь едва заметно натянул повод, заставляя животное сменить аллюр. Ответа не последовало.

И все же, несмотря на боль, которую Малика испытывала от пренебрежения Халиба. Она видела усталость и обреченность на лице князя. Сердце Малики сжималось от острой, почти болезненной нежности. И ей хотелось стереть это хотя бы словом. Сделать то единственное, что всегда помогало ей находить общий язык с людьми — проявить участие там, где оно болит сильнее всего.

И она пробовала снова:

— Ваша земля... она дышит древней силой. Говорят, эти холмы помнят первых богов.

Его губы дрогнули. Малика затаила дыхание, ожидая хотя бы тени усмешки. Но Халиб медленно перевел глаза на нее, обжог взглядом и отвернулся к горизонту, окончательно захлопывая створки.

В следующий день небо затянуло тяжелыми тучами. Пахло грозой и озоном. Малика поежилась от пронизывающего ветра и попыталась заполнить гнетущую тишину звуком собственного голоса:

— Будет ливень. В ущельях такие потоки сносят целые караваны. Может нам стоит поискать укрытие в скалах?

Илкут позади кашлянул, явно смущенный ее навязчивостью. Халиб медленно повернул голову. Его глаза скользнули по лицу Малики, не задерживаясь ни на влажной пряди волос, прилипшей к щеке, ни на искусанных от холода губах. Он посмотрел куда-то сквозь ее переносицу, в пустоту.

— Ты задаешь вопросы тому, кто держит карту, — произнес он ровно, без интонаций. — Держи свое мнение при себе. И рот закрый, пока пыль не глотнула.

Его слова ударили хлестче любой плети. Не оскорбление — хуже. Полное, абсолютное отрицание ее существования. Для него она стала просто деталью ландшафта. Колючим кустом перекати-поля, который катится следом, потому что того требует ветер чужой воли.

Следующие пару дней для Малики напоминали самый странный морок в ее жизни. Чем больше льда нарастало между ними, тем сильнее разгорался пожар внутри нее. Каждое утро становилось пыткой. Просыпаться, видеть его профиль, освещенный первыми лучами, чувствовать запах костра, кожи и сухой полыни, исходящий от его плаща, и понимать: он ненавидит тебя. Ненавидит настолько, что готов избавиться от тебя, если бы не его высшая цель, не его безумное желание вернуть свою прежнюю жизнь и единственную любовь. И этой ненависти она не понимала, ведь она ничего не сделала князю плохого.

— Как объяснить сердцу, что ты — ключ? Что твоя единственная ценность в том, чтобы стать разменной монетой? — мысленно обдумывала Марика.

Но с каждым днем это объяснялось все больше. Сердце отказывалось слушать разум. Оно трепетало от каждого случайного соприкосновения их рукавов, когда тропа сужалась. Оно заходило в горле, когда ночью он отдавал ей свой мех с водой, даже не глядя в глаза. Эта ненависть была такой чистой, такой концентрированной, что походила на обратную сторону абсолютной любви. В каждом движении мужчины — в том, как он поправляет перевязь меча, как хмурится, всматриваясь в ущелье, как коротко бросает приказы воинам — Малика чувствовала угрозу. И дорожила им до безумия. Она ловила себя на мысли, что хочет коснуться жесткой складки у его рта просто для того, чтобы увидеть, способен ли он хоть на какую-то мягкость.

Опасность пришла на одиннадцатый день.

Бран первым заметил блеск металла на уступе скалы. Засада. Стрелы посыпались сверху раньше, чем они успели обнажить клинки. Впереди путь перегородил обвал — кто-то намеренно сбросил камни в узкий проход. Позади раздался боевой клич людей горного клана.

Мир сузился до звона тетивы и запаха крови. Бран принял три стрелы в щит, закрывая князя. Люта выдернули из седла арканом прямо на глазах у Малики.

Всё произошло быстрее, чем бьется пульс.

Малика закричала — тонко, по-звериному. Страх оказался оглушающим, но он же и прочистил голову. Она увидела, как один из налетчиков замахивается кривым ятаганом на упавшего Люта.

У нее не было оружия. Был только тяжелый бронзовый гребень, которым она закалывала волосы перед сном, и инстинкт женщины, чье сердце уже сделало выбор.

Она ударила первой. Не думая. Гребень вошел глубоко в шею горца, там, где кончается край кольчужного капюшона. Мужчина булькнул кровью и осел в пыль.

Время замедлилось.

Рядом просвистела стрела. Еще одна скользнула по наплечнику Халиба, сорвав кусок дорогой ткани. Князь не обернулся. Он вообще не смотрел на нее. Он рубился со звериной, пугающей эффективностью, прикрывая Илкута, который пытался поднять Люта.

Но потом взгляд Халиба метнулся влево. На долю секунды. Там, откуда должен был прилететь смертельный удар в незащищенную спину Малики.

Он не успел бы добежать. Расстояние было слишком велико, он был связан боем.

Удар не прилетел.

Из-за камней выскочил пятый разбойник, которого они пропустили. Он занес клинок над Маликой, отвлекшейся на поверженного врага.

И вдруг тело нападавшего дернулось. Из его груди на две ладони вылез окровавленный наконечник тяжелой охотничьей стрелы. Воин упал лицом вниз.

За его спиной стоял Халиб. Он бросил лук обратно за плечо, даже не взглянув на убитого. Его темные глаза нашли лицо Малики. Всего на мгновение. В них не было ни благодарности, ни облегчения. Только холодный, расчетливый факт: имущество не повреждено.

Но этого мига хватило.

Когда бой закончился — быстро, кроваво, благодаря ярости князя и внезапной помощи отряда горных стражей, которые оказались неподалеку, — наступила тишина. Илкут сидел на земле, белый как мел, сжимая рукоять кинжала. Бран чистил лезвие топора пучком сухой травы. Возле Брана сидел подобранный мальчуган Эйден и жался к нему, словно пытаясь слиться с тканью его походного плаща. Нападение разбойников произошло так внезапно, что в голове до сих пор стоял гул от криков и лязга стали, и только сейчас, в наступившей тишине, до всех дошло, что произошло.

Малика сидела на камне, опустошенная. Руки тряслись так сильно, что она спрятала их между колен. Бронзовый гребень остался торчать в шее мертвеца.

Она подняла глаза. Халиб стоял в трех шагах. Черная от чужой крови рубаха, порез на скуле, тяжелое дыхание. Он смотрел на нее долго, изучающе, впервые за неделю позволив себе не отводить взгляд сразу. Словно заново оценивал прочность ключа, который чуть не сломали в первом же замке.

Затем он подошел. Остановился вплотную, заслоняя собой низкое солнце. Его тень накрыла ее целиком.

Малика сжалась, ожидая удара, холодного приказа, новой стены презрения за то, что вмешалась в мужскую резню. За то, что убила человека. За то, что посмела дышать одним воздухом с его скорбью.

Князь медленно протянул руку. Малика зажмурилась.

Пальцы Халиба сомкнулись на древке стрелы, торчащей рядом с ее сапогом. Он вырвал ее одним резким движением, переломил о колено и отбросил в кусты. Затем достал из седельной сумки чистую тряпицу и молча протянул ей.

Их пальцы соприкоснулись.

Его кожа была горячей, покрытой липкими пятнами пота и чужой крови.

— Если хочешь выжить, держись моего стремени, — ровно произнес он, возвращая голосу привычный металл. — И никогда больше не лезь вперед меня. Я сам решаю, кого защищать.

Он отвернулся, пошел к своему коню. Сел в седло, расправил плечи. Приказал выступать.

Малика смотрела ему вслед, прижимая к груди ненужную теперь тряпицу. Опасность сблизила их ровно на толщину кожаного ремня его стремени. Он позволил ей жить, потому что она оказалась полезной. Потому что защищала его воинов.

Но пока он шел к лошади, Малика видела, как мелко, почти незаметно дрожат его руки.

Ее сердце глухо ударило в ребра. Ключ может застрять в скважине. Но иногда замок ломается первым. Чувствовать в каждом движении мужчины ненависть и при этом осознавать, что именно эта тьма становится твоим единственным светом — самая жестокая форма привязанности. Объяснить это рассудку невозможно. Оставалось лишь одно: держаться указанного стремени и надеяться, что когда-нибудь броня даст трещину.

Глава 6.

Седьмой день пути пах серой пылью, раскаленным камнем и сухим жаром, поднимающимся от растрескавшейся земли. Халиб правил своими воинами в привычном каменном молчании. Он не смотрел на Малику, сидевшую впереди него на холке его вороного жеребца. Не поворачивал головы, когда она тихо напевала под нос что-то своим голосом, от которого у любого другого мужчины пошли бы мурашки по коже. Его пальцы, сжимающие поводья, немели от напряжения — не из-за жары, а из-за дикого, первобытного желания разжать их, впиться в талию девушки впереди и притянуть к себе. Вплотную. Так, чтобы почувствовать каждый ее вдох.

Это было невыносимо. Это было неправильно. Малика всего лишь ключ. Холодный, украденный инструмент. Он везет ее не ради ее глаз цвета грозового неба. Ему нужна Лейла. Только Лейла. Его жена, его душа, чье остывающее тело сейчас лежит в гробу. Но тело предавало князя с самого первого дня.

Его ноздри дрожали, уловив тонкий аромат дикой сливы и горького миндаля, въевшийся в ее плащ. Сердце, которое Халиб считал выжженным дотла после смерти Лейлы, пропускало удар. Глупость. Морок.

Малика обернулась через плечо. В уголках ее глаз собрались лукавые морщинки, на ее лице, покрытом дорожной пылью, пробилась легкая, почти незаметная улыбка. Предвещающая что-то теплое, живое, манящее.

Ее губы приоткрылись, выпуская слова.

— Говорят, из этих яблок делают лучшую пастилу в предгорьях. Ваша земля щедра, князь?

Халиб открыл рот, чтобы рявкнуть привычное «Молчи, женщина», или спросить, какого демона она лезет в дела южных провинций, но слова застряли в горле. Он видел шевеление ее губ. И ничего более.

Весь мир сузился до этого крошечного пространства между ними. Зной отступил. Шум лагеря исчез. Остался только гипнотический танец ее рта. Как смыкаются и расходятся полные губы, обрисовывая каждый звук. Как влажно блестит нижняя губа там, где она недавно провела по ней языком. Ему безумно захотелось накрыть этот рот своим, втянуть этот язык в себя, заставить замолчать единственным возможным способом — Полные, четко очерченные губы.

Халиб почувствовал, как пересохло во рту. Он завис на них дольше дозволенного, глядя сквозь девушку пустым взглядом, пока его легкие жадно впитывали ее выдох.

Князь чувствовал, как каменеют мышцы челюсти. Его пальцы, лежащие на рукояти сабли, побелели от напряжения. Если он сейчас пошевелится, он схватит ее прямо здесь, на глазах у изумленных воинов, швырнет на горячий песок и возьмет так глубоко, чтобы навсегда выбить память о Лейле.

— Это точно морок, — панически кричал разум откуда-то издалека. — Это раскаленная земля крадет рассудок. Я хочу женщину. Любую. Я слишком долго ночью прижимаю к себе воспоминания о жене, согреваясь о них. Лейла... я делаю это ради Лейлы».

Но перед глазами стояла не Лейла. Перед глазами были эти губы, задавшие самый обычный, самый человеческий вопрос в мире. Женщина, которая должна быть пустым ключом, обращалась к нему с вопросом. И эта простая, земная жажда жизни сводила Халиба с ума еще сильнее.

Чтобы не натворить непоправимого, он резко, рвано выдохнул сквозь зубы. Ему пришлось силой отвести глаза, вперившись в пыльную дорогу.

Весь следующий день Халиб провел в глухой броне молчания. Он игнорировал Малику так, словно она была не живым человеком из плоти и крови, а призраком. На ее немногочисленные слова он лишь подгонял коня, заставляя того перепрыгивать препятствия с такой силой, что девушка едва удерживалась в седле. Халиб даже не поворачивал головы.

Это было единственным спасением. Если он не будет смотреть на нее, если заткнет уши ватой собственного презрения, проклятый морок отступит.

Он вбивал себе это раскаленными гвоздями: он не может предать память о жене. Нужно просто дотянуть до замка южных земель. Там толстые стены, там есть ледяное вино, способное выжечь внутренности, и доступные женщины без имен и лиц. В объятиях покорных южанок это наваждение покинет его разум. Она сама станет никем. Пустой оболочкой. Всего четыре дня этой пытки.

Десятый день встретил их низким, давящим небом. Воздух стал густым, тяжелым и пах озоном. Они двигались по дну глубокого ущелья, где каменные стены сходились над головой узким зловещим мешком. Под копытами хлопала глина.

Малике пришлось сесть еще ближе к нему на холке жеребца, почти прижимаясь спиной к его груди, потому что тропа сузилась. Ее волосы щекотали его небритую челюсть. Халиб чувствовал жар ее тела сквозь свою одежду. Нервы, натянутые до звона за десять дней этого добровольного ада, были готовы лопнуть.

— Будет ливень, — произнесла Малика прямо перед ним. Голос был ровным, деловитым, но Халиб слышал в нем скрытую тревогу.

— В ущельях такие потоки сносят целые караваны. Может нам стоит поискать укрытие в скалах?

Халиб дернулся, словно его ударили плетью по открытой ране. Развернуть коня. Искать укрытие. Слушать ее. Сидеть в замкнутом пространстве пещеры наедине с ней, пока снаружи хлещет вода. Эта мысль была невыносима. Терпение, державшееся на гнилых нитках, оборвалось с сухим треском.

Князь резко натянул поводья, останавливая вороного. Жеребец захрипел и забил копытом.

— Ты задаешь вопросы тому, кто держит карту, — произнес он ровно, без интонаций. — Держи свое мнение при себе. И рот закрой, пока пыль не глотнула.

Малика вздрогнула всем телом. В расширенных глазах цвета грозового неба плеснулся чистый ужас. Девушка прикусила губу до крови, опустила ресницы, пряча взгляд, и больше не произнесла ни слова.

Халит тяжело выдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. Ему стало гадко от самого себя. Но эта вспышка дала минутное облегчение. Он снова взял поводья, посылая коня вперед жесткой рукой.

Опасность пришла на одиннадцатый день.

Первым блеск металла на уступе заметил Бран. Халиб даже не успел осознать, что это — блик солнца на стали или обман зрения, как воздух наполнился свистом. Засада.

Стрелы ударили раньше, чем они коснулись рукоятей. Впереди, перекрывая узкий проход, высилась груда свежих камней — кто-то постарался, чтобы они оказались в ловушке.

Мир схлопнулся до одного звука — сухого щелчка тетивы — и тошнотворного запаха железа. Халиб видел, как Люта выдернули из седла арканом, словно дикого зверя.

Малика закричала. Этот звук прорезал шум битвы — тонкий, животный, полный ужаса. Но именно этот крик выбил Халиба из оцепенения. Он увидел, как разбойник заносит кривой ятаган над упавшим Лютом.

У Малики не было клинка. В её руке блеснул лишь тяжелый бронзовый гребень. Но в этот миг она не была хрупкой девушкой. Она была яростью.

Она ударила первой. Не раздумывая, не колеблясь. Острие гребня вошло точно в уязвимое место — в стык между кольчужным капюшоном и шеей. Разбойник даже не успел вскрикнуть, лишь булькнул, захлебнувшись собственной кровью, и тяжело осел в пыль.

В этот момент время для Халиба остановилось. Он смотрел на Малику, на эту женщину и чувствовал, как внутри что-то надламывается. Вокруг продолжалось сражение, но он видел только её — застывшую, с окровавленным гребнем в руке, посреди этого кровавого пира.

Из-за камней, которые они посчитали безопасными, выскочил пятый разбойник — тот самый, которого пропустили в горячке схватки. Он двигался бесшумно, тенью смерти. Занес кривой клинок над Маликой, отвлекшейся на поверженного ею врага.

Время для князя растянулось в тягучую смолу. Расстояние было слишком велико. Он был связан боем и не успел бы добежать. Но тело среагировало быстрее мысли. Рука сама собой рванула валяющийся рядом лук. Пальцы нащупали оперение стрелы в туле. Дерево скрипнуло, изгибаясь под нечеловеческим натяжением тетивы. Мир сузился до одной точки — спины разбойника. Выдох. Замер. Отпустил.

Тело нападавшего дернулось. Из его груди на две ладони вылез окровавленный наконечник тяжелой охотничьей стрелы с черным оперением. Воин хрипло булькнул, захлебываясь собственной кровью, выронил оружие и упал лицом вниз, подняв облачко серой пыли.

Бой закончился быстро. Воздух пах медью, порохом и вспоротым животом.

Халиб подошел к Малике. Медленно. Тяжело. Его сапоги чавкнули в грязи. Он остановился прямо перед ней, заслоняя низкое солнце.

Он, конечно, испугался за нее. Любой идиот понял бы это по тому, как дрогнула рука, выпускавшая стрелу, как замерло сердце на один страшный удар.

Это все только потому что, если она умрет — ритуал сорвется – думал Халиб. Так он убеждал себя, глядя на ее дрожащие плечи.

Халиб достал чистую тряпицу и молча протянул ткань девушке. Их пальцы соприкоснулись случайно, когда Малика брала лоскут. На долю секунды. Просто кожа к коже. Теплое к холодному.

Ее кожа была нежнее всего, чего касались руки южного воина за последний год. Нежнее шелка наложниц, прохладнее мрамора гробниц. Халиб почувствовал, как земля уходит из-под ног. Ему безумно хотелось перехватить эту узкую ладонь,. Усилиям воли он заставил себя отдернуть руку, словно обжегся.

— Если хочешь выжить, держись моего стремени, — ровно произнес он, возвращая голосу привычный металл. — И никогда больше не лезь вперед меня. Я сам решаю, кого защищать.

Он отвернулся, пошел к своему коню. Сел в седло одним плавным движением хищника, расправил плечи, застегивая верхнюю пряжку дублета, чтобы скрыть разорванный наплечник. Халиб даже не посмотрел вниз. Его глаза продолжали сканировать скалы вокруг. Но когда девушка оказалась достаточно близко, князь молниеносно выбросил руку вбок. Сильные пальцы сомкнулись на ее предплечье — жестко, почти болезненно, впиваясь в плоть поверх рукава. Не давая Малике времени опомниться или отстраниться, князь дернул ее на себя с силой, способной выдернуть из седла вражеского воина и в следующую секунду Малика врезалась спиной в твердую, горячую грудь Халиба. Стальной обруч его рук тут же сомкнулся вокруг талии девушки, припечатывая плотно к кожаному панцирю.

Глава 7.

Дорога, казалось, тянулась бесконечно, впитывая в себя последние капли дневного света. Малика сидела в седле, почти не двигаясь, чувствуя, как под копытами коня мерно дрожит сухая, потрескавшаяся земля. Впереди, на самом краю горизонта, уже проступали тяжелые, зубчатые очертания замка князя Халиба. Он вырастал из скал, словно продолжение самой горы — холодный, неприступный и пугающе величественный.

Малика прищурилась, пытаясь разглядеть хоть что-то за пределами ярких пятен, которые плясали перед глазами. В ее краях, откуда она приехала, свет был мягким, рассеянным, словно пропущенным через слой серой ваты. Здесь же солнце казалось живым существом — тяжелым, властным и беспощадным. Оно выжигало тени, превращая узкие улочки в лабиринты из раскаленного камня.

Она невольно поправила воротник платья, который теперь казался нелепо плотным и душным. Ей хотелось расстегнуть его, подставить кожу прохладному сквозняку, но здесь, в этом застывшем мареве, прохлады, казалось, не существовало вовсе.

Для Малики места, которые они проезжали казались необычными: ранее она никогда не была на южных землях. Воздух здесь был густым и пряным, пахло раскалённой пылью, цветущими олеандрами и далеким морем. Солнце медленно опускалось, окрашивая небо в тревожные багровые тона. С каждой минутой тени становились длиннее, поглощая тропу, по которой они двигались. Малика знала: как только последние лучи окончательно угаснут и сумерки накроют долину, их путь завершится.

- Что ее ждет впереди? - думала девушка. Неизвестность пугала до дрожи в коленях, как бы отчаянно Малика ни пыталась отрицать этот липкий страх. Нет, лгать себе она разучилась в день смерти родителей, сидя под лестницей дядино дома. Она прекрасно понимала: к концу месяца, в ночь полной луны, она исполнит свою миссию: откроет дверь между мирами.

- А потом? Если она выживет после такого соприкосновения с изнанкой мироздания ... Куда ей идти? Обратно в дядин дом? Назад в сырую каморку, где она лишь ненужный лишний рот, ошибка природы, девка с ужасающим даром?

- Нет. Эта дорога отрезана навсегда. Впереди для нее была только земля Халиба. Может быть, после того как она отслужит князю, если дар не сожрет ее изнутри раньше, ей удастся найти здесь работу и пристанище.

Замок Халиба теперь нависал над ними, подавляя своими масштабами. Чем ближе они подъезжали, тем яснее становилась его чужеродность. Северные крепости строили из грубого гранита, чтобы прятаться в них от ледяного ветра; эта же громада была выточена из ослепительно белого песчаника, словно гигантский череп, выбеленный временем. Он не защищался от мира — он смотрел на него сверху вниз с ленивым превосходством хищника. Зубчатые стены оплетало зеленое кружево лиан, а вместо привычных черных бойниц темнели глубокие арочные проемы, похожие на пустые глазницы.

Их небольшой отряд замедлил шаг перед мостом через высохший ров. Под копытами гулко застучали доски, пахнувшие дегтем. Замок встретил их тишиной. Здесь не горели приветственные огни, никто не вышел на стены полюбоваться на возвращение князя. Тяжелые ворота закрылись за их спинами с глухим, окончательным лязгом, отрезая путь к отступлению.

Первым спешил сам Халиб. Спрыгнул на брусчатку двора тяжело, по-хозяйски, даже не поглядев, удержится ли в седле его странная ноша. Малика дернулась, чтобы опереться о стремя, но сильная рука схватила ее за ворот плаща. Князь буквально стянул ее вниз, словно куль с мукой. Воздух выбило из легких, камни больно ударили по пяткам.

К Халибу шагнул мужчина — местный, судя по нашивкам на плече. В отличие от молчаливых воинов, которые их сопровождали, этот смотрел на князя дерзко, исподлобья. Забрав поводья лошадей, сообщив князю о положении дел в его отсутствие и выслушав распоряжения о устройстве Эйдена и захоронении его матери, он повел их в темноту арки, коротко кивнув страже.

Чуть поодаль, у подножия главной лестницы, сгрудилась прислуга замка. Управитель — круглый, плотный мужчина с бегающими глазками. Три служанки в серых платьях. Старший псарь. По их сторбленным спинам и плотно сжатым губам было видно: они не рады своему хозяину. Совсем.

Наверняка они думали, что он пропал вместе с отрядом где-то в горах. И теперь внезапное возвращение князя рушило их хрупкий, выстроенный за эти недели мирок.

Халиб стянул перчатку, небрежно швырнул ее подбежавшему мальчишке-конюху и обвел двор тяжелым, темным взглядом. Люди внизу втянули головы в плечи.

— Исмаил, — голос Халиба был хриплым, сорванным сухим ветром. Он даже не повысил его, но управитель вздрогнул так сильно, что ключи на поясе жалобно звякнули.

— Ваша светлость! Вы живы! Мы подняли тревогу во все концы, мы... — залепетал толстяк, пытаясь поклониться, но объемный живот помешал ему согнуться достаточно низко.

— Молчать, — бросил князь, переводя взгляд на Малику. Голос его вновь стал властным, режущим слух. — Выделишь ей комнату в восточном крыле. Ту, угловую, подальше от моих покоев. Прикажи натаскать горячей воды полную медную лохань и принесите в ее покои ужин. Все ясно?

Халиб мазнул взглядом по лицу Малики и ушел. Его шаги гулко впечатывались в пыльный камень внутреннего двора, Халиб пересек его наискосок, направляясь к приземистому донжону. Он шел тяжело, подавшись вперед, словно нес на плечах вес всего своего невысказанного горя. Тень от высокой стены поглотила его фигуру за три удара сердца. Створки дубовых дверей со скрежетом сомкнулись за князем.

Малика осталась стоять посреди двора.

Служанка возникла рядом бесшумно. Девушка опустила голову так низко, что Малика видела только выбившуюся из-под платка прядь волос цвета выгоревшей соломы.

— Следуйте за мной, — прошелестела она, не поднимая глаз.

Малика едва переставляла ноги, послушно поплелась следом за служанкой. Та двигалась бесшумно, словно тень, уводя девушку всё дальше вглубь замка. Коридоры казались бесконечными: холодные каменные стены давили, а эхо собственных шагов отдавалось в ушах неприятным гулом. Наконец, служанка замедлила шаг. Они остановились перед дубовой дверью, обитой медными полосами. Служанка толкнула ее плечом. — Господин приказал эти покои. Здесь тихо.

Малика шагнула внутрь. Воздух был спертый, пропитанным застарелой пылью и сладковатым запахом тления — так пахнут покои, которые годами держали закрытыми на ключ. Толстый персидский ковер с выцветшим узором из охотничьих сцен глушил шаги, превращая их в бесплотные тени. Кровать под тяжелым балдахином была застелена свежим, но колючим льном. В углу одиноко стоял бронзовый светильник. По середине комнаты стояла широкая лохань из потемневшей меди. На низком столике стоял серебряный поднос: мясо, лепешки, сыр, гроздь черного винограда и медный кувшин.

Дверь закрылась. Щелчок задвижки прозвучал в тишине как удар молотка.

Малика медленно подошла к окну. Отсюда открывался вид на внутренний колодец двора и черную громаду фамильного склепа. Солнце садилось, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. - До полнолуния оставалось двадцать шесть дней - размышляла Малика. - Двадцать шесть закатов, после которых ей придется отворить засов между мирами.

- Халиб думает, что если увидит любимые глаза, то сможет договорить недосказанное, извиниться или просто запомнить изгиб ресниц еще раз. Глупец. Встреча с мертвыми никогда не приносит утешения. Она приносит только пепел, который потом приходится выгребать из горла годами. А засов между мирами — это не ржавая щеколда на калитке. Это печать, которая выжигает руки тому, кто ее касается. Уж она это знает, как никто.

В коридоре раздался тяжелый топот, сопровождаемый ритмичным позвякиванием металла. Двое слуг, тяжело дыша, внесли массивную деревянную бадью; горячая вода то и дело выплескивалась через край, оставляя на холодном камне темные, быстро испаряющиеся пятна. Комнату мгновенно заволокло густым, влажным маревом. Следом, почти не касаясь пола, проскользнул третий слуга — он бережно прижимал к себе поднос с едой, словно нес величайшую драгоценность.

Закончив приготовления, процессия бесшумно растворилась в дверях. Снаружи сухо щелкнула задвижка, отрезая Малику от остального мира.

Она осталась одна. Опустившись на край кровати, Малика почувствовала, как ноют мышцы — долгий путь в седле не прошел бесследно, и ноги предательски подрагивали. Она взяла с подноса виноградину, лениво покатала ее на языке, но приторная сладость показалась ей совершенно чужой, почти фальшивой.

Тишина, плотная и давящая, сомкнулась вокруг нее, словно невидимые стены. Девушка встала и прошла по комнате, босыми ступнями ощущая ворс ковра. Подошла к двери, прижалась ухом к дереву. С той стороны не доносилось ни звука. Ни дыхания стражи, ни шарканья служанок. Только где-то далеко, в самом сердце горы, на которой стоял замок, мерно капала вода. Кап. Кап. Словно отсчитывала оставшиеся ей часы.

Она вернулась к столу, налила в чашу вина. Оно оказалось терпким, местным, бьющим в голову сильнее, чем нужно. Малика сделала глоток, подошла к лохани и начала медленно расшнуровывать жесткое платье.

Нужно смыть дорожную пыль. Нужно смыть страх. Страх — плохой советчик, когда пальцы ложатся на холодный обсидиан печати. Когда начнешь читать слова, от которых трес-

кается воздух, нельзя думать о том, что ждет тебя по ту сторону. Иначе тьма услышит твой ужас и заберет тебя.

Малика опустила в горячую воду. Жар охватил тело, расслабляя сведенные мышцы. Она запрокинула голову, глядя на низкий потолок, расписанный сценами охоты. Краски давно потускнели. Лев, терзающий антилопу, выглядел жалко.

Двадцать шесть дней.

Она закрыла глаза, пытаясь выровнять дыхание. Где-то там, за стеной, в своих покоях метался Халиб, наверняка заливая свой страх лучшим вином из погребов. Пусть пьет. Ему понадобится вся храбрость, какая найдется, чтобы просто стоять рядом, когда земля под ногами пойдет трещинами.

А ей сейчас нужен был только отдых.

Малика открыла глаза. Темнота комнаты больше не пугала. Она протянула руку, взяла с блюда лепешку, отломила кусок и принялась медленно есть, чувствуя на зубах вкус соли и приближающейся беды. Ужин остывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.